

В потемках — эпизод 2 из 2

Изволь теперь путешествовать без халата!

Войдя в кухню, он направился к тому месту, где на сундуке, под полкой с кастрюлями, спала кухарка.

Пелагея! начал он, нащупывая плечо и толкая. Ты! Пелагея! Ну, что представляешься? Не спишь ведь! Кто это сейчас лез к тебе в окно?

Гм!.. здрасте! В окно лез! Кому это лезть?

Да ты того... нечего тень наводить! Скажи-ка лучше своему прохвосту, чтобы он подобру-поздорову убирался вон. Слышишь? Нечего ему тут делать!

Да вы в уме, барин? Здрасте... Дуру какую нашли... День-деньской мучаешься, бегаючи, покоя не знаешь, а ночью с такими словами. За четыре рубля в месяц живешь... при своем чае и сахаре, а кроме этих слов другой чести ни от кого не видишь... Я у купцов жила, да такого срама не видывала.

Ну, ну... нечего Лазаря петь! Сию же минуту чтобы твоего солдафона здесь не было! Слышишь?

Грех вам, барин! сказала Пелагея, и в голосе ее послышались слезы. Господа образованные... благородные, а нет того понятия, что, может, при горе-то нашем... при нашей несчастной жизни... Она заплакала. Обидеть нас можно. Заступиться некому.

Ну, ну... мне ведь всё равно! Меня барыня сюда послала. По мне хоть домовогопусти в окно, так мне всё равно.

Товарищу прокурора оставалось только сознаться, что он не прав, делая этот допрос, и возвратиться к супруге.

Послушай, Пелагея, сказал он, ты брала чистить мой халат. Где он?

Ах, барин, извините, забыла вам положить его на стул. Он висит около печки на гвоздике...

Гагин нащупал около печки халат, надел его и тихо поплелся в спальню.

Марья Михайловна по уходе мужа легла в постель и стала ждать. Минуты три она была покойна, но затем ее начало помучивать беспокойство.

Как долго он ходит, однако! думала она. Хорошо, если там тот... циник, ну, а если вор?

И воображение ее опять нарисовало картину: муж входит в темную кухню... удар обухом... умирает, не издав ни одного звука... лужа крови...

Прошло пять минут, пять с половиной, наконец шесть... На лбу у нее выступил холодный пот.

Базиль! взвизгнула она. Базиль!

Ну, что кричишь? Я здесь... услышала она голос и шаги мужа. Режут тебя, что

ли?

Товарищ прокурора подошел к кровати и сел на край.

Никого там нет, сказал он. Тебе примерещилось, чудачка... Ты можешь успокоиться: твоя дурища, Пелагея, так же добродетельна, как и ее хозяйка. Экая ты трусиха! Экая ты...

И товарищ прокурора начал дразнить свою жену. Он разгулялся и ему уже не хотелось спать.

Экая трусиха! смеялся он. Завтра же ступай к доктору от галлюцинаций лечиться. Ты психопатка!

Дегтем запахло... сказала жена. Дегтем или... чем-то таким, луком... щами. М-да... Что-то такое в воздухе... Спать не хочется! Вот что, зажгу-ка я свечку... Где у нас спички? И кстати покажу тебе фотографию прокурора судебной палаты. Вчера прощался с нами и дал всем по карточке. С автографом. Гагин чиркнул о стену спичкой и зажег свечу. Но прежде чем он сделал шаг от кровати, чтобы пойти за карточкой, сзади него раздался пронзительный, душу раздирающий крик. Оглянувшись назад, он увидел два больших жениных глаза, обращенных на него и полных удивления, ужаса, гнева...

Ты снимал в кухне свой халат? спросила она, бледнея.

А что?

Погляди на себя!

Товарищ прокурора поглядел на себя и ахнул. На его плечах, вместо халата, болталась шинель пожарного. Как она попала на его плечи? Пока он решал этот вопрос, жена его рисовала в своем воображении новую картину, ужасную, невозможную: мрак, тишина, шёпот и проч., и проч....